

Свѣтлячокъ

1902 г.

№ 16.

Государственная
Библиотека
им. В. И. Ленина

Озорникъ!

Принцесса Бѣлая-Шубка.

СКАЗКА.

I.

Въ подпольѣ былъ невообразимый переполохъ. Все хвостатое населеніе,—начиная отъ мышки Замухрышки и кончая старѣйшей и мудрѣйшей мышью—сэромъ Пипомъ—только и толковало объ этомъ событіи.

— Вообразите, какое происшествіе! Она совершенно, совершенно бѣлая, какъ молоко!—толковали въ одномъ углу.

— А мордочка розовенькая,—чистая душка!—говорили въ другомъ.—Но кто же она?

— Знатная иностранка!—отзывались болѣе положительные мыши.

— Кто ты?—спрашивали у гости—маленькой, хорошенькой мышки.

— Я-съ? Я принцесса Бѣлая-Шубка, люби-

мая мышка маленькой барышни Мими, которая живетъ надъ вашимъ подпольемъ. Я жила у барышни въ жестяной коробкѣ изъ подъ печенія,—продолжала принцесса-бѣглянка,—у меня было гнѣздышко изъ ваты, баночка съ молокомъ,—очень хорошо!.. Но я вздумала побѣгать по полу. За мной бросился котъ Васька. Я едва спаслась въ первую попавшуюся норку,—и вотъ очутилась у васъ!..

Этимъ было сказано все. Глубокое молчаніе выражала то уваженіе, которое внушала принцесса-бѣгляночка всѣмъ.

— Я ученая,—я умѣю лазать по веревочкѣ, я катаю пушечку, стою на заднихъ лапкахъ, какъ солдатъ на часахъ! Я кушаю за однимъ столомъ съ барышней Мими!—лепетала до вѣрчиво мышка, ободренная всеобщимъ вниманіемъ.

Это было необычайно!

— Съ человѣкомъ? Съ этимъ страшилищемъ?—ахнуло все подполье.

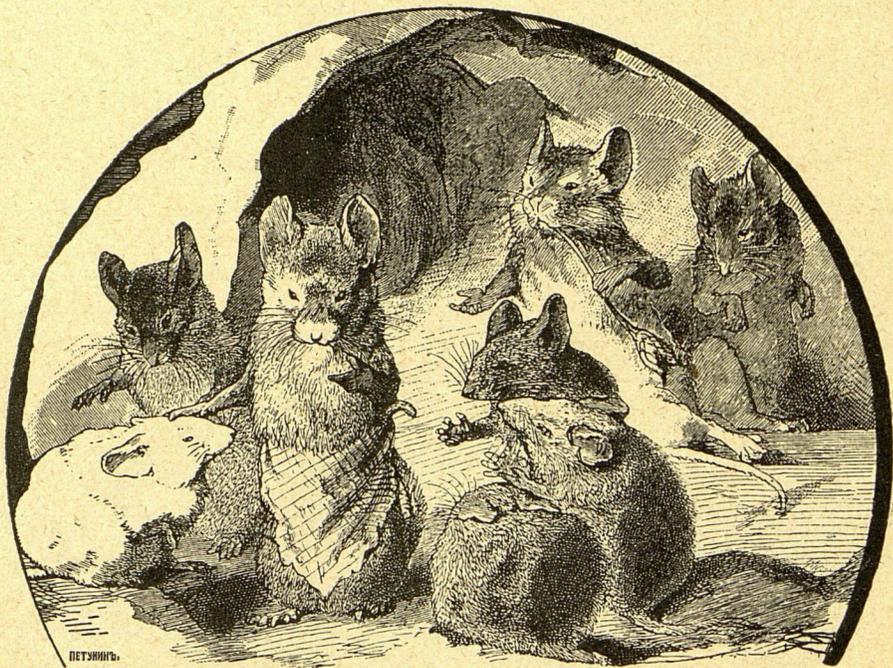
— Ахъ, нѣтъ,—онъ предобрый,—увѣряла Бѣлая-Шубка.

— Да ты не врешь ли,—усомнилась старая сѣдая мышь Кусаиха и тѣмъ довела Бѣленькую мышку до слезъ.

Всѣ накинулись на Кусаиху.

— Да вы понимаете, что вы говорите? Да вы обижаете ее! Стыдитесь!.. — но Кусаиха не унималась.

— У тебя и шкурка, чай, вымазана мукой,

и хвостъ привязной! — и тутъ она изо всей силы куснула бѣдную принцессу за хвостъ.

Что прикажете съ нею дѣлать?

Бѣленькая-Шубка вскрикнула и покатилаь безъ чувствъ. А когда она очнулась, — всѣ окру-

жали ее и спѣшили наперерывъ утѣшить ее, развлечь.

А самъ сэръ Пипъ, нѣжно положивъ лапку на ея мордочку, гладилъ ее и говорилъ:

— Мы не дадимъ тебя въ обиду, Бѣлая-Шубка, мы вернемъ тебя къ людямъ. Пусть люди знаютъ, что и мыши благородны. Но ты, когда будешь жить снова тамъ,—вспомни о насъ, несчастныхъ, простыхъ мышахъ, которымъ такъ трудно живется въ подпольѣ,—и хоть какъ-нибудь заступишь за насъ.

Бѣлая-Шубка заснула въ самыхъ радужныхъ мечтахъ.

— «Ахъ, какіе всѣ добрые, милые! Какъ я ихъ люблю, какъ я ихъ жалѣю».

II.

Ужъ разъ сэръ Пипъ взялся за дѣло, успѣхъ его былъ обезпеченъ. У него были связи даже съ дворовымъ псомъ Султаномъ, у котораго онъ не разъ кушалъ за-просто изъ его плошки.

Султанъ зналъ уже все про эту исторію.

— Да, да,—сказалъ онъ Пипу,—барышня Мими дни и ночи плачетъ о Бѣлой-Шубкѣ. А по моему, все это вздоръ. Самая пустая мышь! Ну, вотъ ты — и уменъ, и добръ, и честенъ,

хватъ такой, какихъ мало, — это я понимаю. А тутъ что — такъ, дрянной мышенокъ, котораго только придавить слѣдуетъ. А впрочемъ, я помогу.

— Да вѣдь она за насъ заступиться хочетъ! — ораторствовалъ Пипъ.

— Да, поди, дожидайся! Она выросла-то въ холѣ, да въ радости. Гдѣ ей вашу нужду знать. Такъ, дрянъ. Васькѣ бы ее дать, онъ бы ее брать, вымуштровалъ.

Султанъ былъ рѣзокъ, грубъ, но безусловно честенъ. Въ тотъ же вечеръ онъ дождался прихода Пипа и Бѣлой-Шубки, вѣжливо подаль лапку Бѣлой-Шубкѣ, которая тряслась, какъ въ лихорадкѣ, и повелъ ее съ собою въ домъ.

— Ахъ, мнѣ такъ страшно, такъ страшно! — вздыхала мышка, — а тамъ этотъ Васька. Ахъ!

— Васька? — Султанъ щелкнулъ челюстью, — ты посмотри, какой намъ отъ нихъ почетъ будетъ, ты это пренебреги! Да!

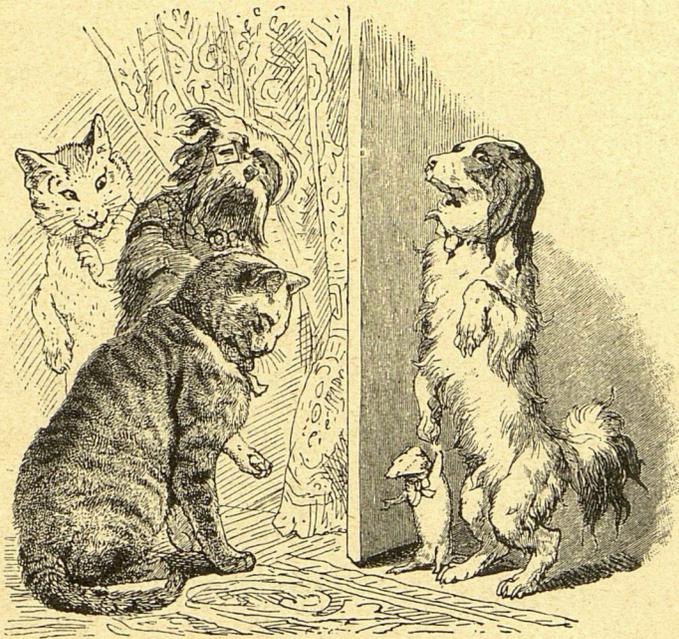
И точно, вліяніе Султана въ домѣ было безгранично. Самъ Васька — этотъ котъ-страшилище ловившій и душившій мышей сотнями, — пріятно ослабился гостямъ, хоть и выпустилъ когти.

— Ну, ну, ты не очень! — остановилъ его

Султанъ, — барышнина мышъ-то. А то тебя по шапкѣ — живо!..

И болонка Мустафа, и другой котъ Мурзи — встрѣтили Бѣлую-Шубку почтительно.

А когда сама Мими бросилась къ ней навстрѣчу, взяла ее на руки и стала цѣловать

и гладить ее, — всѣ эти страшные для мышей звѣри превратились въ какихъ-то добрыхъ геніевъ...

Бѣлая-Шубка была въ восторгѣ. Она была снова дома, у себя, гдѣ ей такъ тепло, хорошо,

сытно, уютно, — гдѣ ее такъ любить маленькая Мими.

Первое время она еще вспоминала своихъ сородичей — сѣрыхъ мышей. Да, вотъ ужасная ихъ жизнь: — вѣчно думай, какъ добыть ѣду, вѣчно спасайся ото всѣхъ рѣшительно и дрожи за свою жизнь. А здѣсь такъ хорошо, такъ беззаботно жить!..

И она забыла скоро обо всемъ. Можно ли ее винить? Когда живется хорошо самому, думаешь, что и всѣмъ такъ же хорошо. Но разъ Бѣлая-Шубка страшно испугалась. Она сквозь сонъ услышала пискъ, плесканье и въ ужасѣ открыла глаза.

Въ молочникѣ барахталась сѣренькая мышка, — и то былъ самъ сэръ Пипъ. Недолго думая, Бѣлая-Шубка протянула ему свой хвостикъ, и Пипъ выкарабкался на столикъ.

— Принцесса, — пискнула онъ, — вашъ поступокъ благородень!.. Ахъ, зачѣмъ вы забыли совсѣмъ насъ. Вы обладаете такими богатыми сѣдобными припасами, а намъ въ подпольѣ нечего ѣсть

Бѣлая-Шубка даже заплакала, такъ ей жаль стало голодныхъ мышей. Она подала Пипу ко-

рочку, сама взяла другую въ зубки и рѣши-
тельно сказала:

— Идемъ я не стану больше жить здѣсь,
если такъ.

И Бѣлая-Шубка поселилась въ подпольѣ
и стала жить наравнѣ съ другими. Иногда она
прибѣгаетъ къ Мими, получаетъ отъ нея раз-
ныя лакомства и все несетъ своимъ новымъ
друзьямъ въ подполье. А въ веселые часы
Бѣлая-Шубка показываетъ имъ разные фо-
кусы, и вся публика смѣется до слезъ.

Наконецъ, однажды сэръ Пипъ сказалъ ей:

— Принцесса вы сдѣлали большое дѣло,—
вы утѣшили, ободрили насъ, бѣдныхъ мышей.
Не оставляйте же ихъ никогда, живите съ нами
и будьте моей женой!..

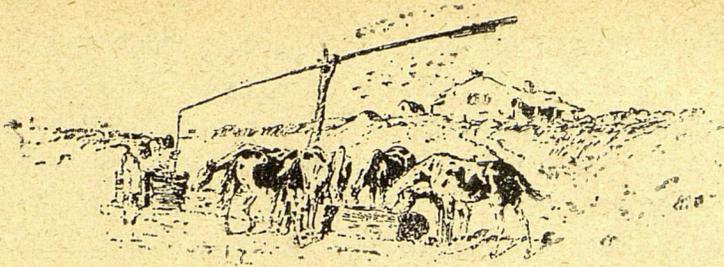
На дняхъ въ подпольѣ будетъ свадьба сэра
Пипа и Бѣлой-Шубки, и насъ съ вами, ко-
нечно, пригласятъ туда на пиршество!..

А. Федоровъ-Давыдовъ.

„Мои любимцы голуби“.

Нигеръ.

Разсказъ.

I.

Такъ называли собаку моего брата. Это былъ красивый гордонъ, съ черною, блестящею, слегка волнистою шерстью, длинными, шелковистыми ушами и пушистымъ хвостомъ. Подбородокъ у Нигера былъ бѣлый, а грудь и лапы коричневатожелтаго цвѣта, и такія-же желтенькія пятнышки надъ глазами.

Нигеру было два, или три года, когда его привезли къ намъ въ имѣніе на берегу Днѣпра, въ двѣнадцати верстахъ отъ губернскаго города М. Братъ—гимназистъ седьмого класса получилъ его въ подарокъ отъ учителя гимназіи.

Въ первые дни своего приѣзда Нигеръ тосковалъ; онъ ходилъ понуро изъ комнаты въ комнату, словно ища чего-то; иногда визжалъ и сторонился всѣхъ; но понемногу сталъ привыкать къ своимъ новымъ хозяевамъ, къ новому мѣсту, поселѣлъ, и деревенское приволье, видимо, понравилось ему.

Нигеръ прибылъ къ намъ ученымъ: онъ умѣлъ подавать лапу; когда бросали какую-либо вещь, онъ стремглавъ бросался впередъ и приносилъ брошенное. Если брали что-нибудь съѣдобное, кусочекъ хлѣба, или сахару, и клали ему на носъ, онъ не двигался до тѣхъ поръ, пока ему не крикнутъ: „Циль!“ Тогда

онъ быстро отбрасывалъ голову назадъ и налету хваталъ и съѣдалъ то, что было положено на носъ.

Нигерь былъ скорѣе комнатной собакой. Спалъ онъ у насъ въ домѣ, въ парадной передней, на небольшомъ сѣнничкѣ, а зачастую — и въ комнатѣ у брата, на медвѣжьей шкурѣ.

Другихъ собакъ въ домѣ у насъ не было; былъ только почтенный, сѣрый котъ — любимецъ семьи.

Нерѣдко по вечерамъ котъ лѣниво укладывался возлѣ Нигера, а Нигерь заботливо лизалъ его языкомъ...

Но не всегда Нигерь былъ любезенъ со своимъ другомъ; бывали у нихъ иногда и маленькія недоразумѣнія и по большей части во время обѣда. У Нигера была своя отдѣльная мисочка; у кота тоже. Чуть только подавали обѣдъ, Нигерь вбѣгалъ въ столовую и садился подлѣ обѣденнаго стола. Онъ не надоѣдалъ никому, ничего не выпрашивалъ, велъ себя вполнѣ прилично; но не спускалъ глазъ со всего приносимаго на столъ и только по временамъ облизывался, поджидая своей очереди. Когда-же эта очередь наступала, онъ бросался къ своей мисочкѣ и съ большимъ аппетитомъ принимался за ѣду. Случалось, — въ это время котъ подкрадывался къ нему, желая попользоваться и его обѣдомъ; тогда, не подымая головы, Нигерь пугалъ кота громкимъ, недовольнымъ лаемъ, а котъ — встревоженный, изогнувъ дугою спину, распушивъ хвостъ, фыркая, пятился назадъ и, словно обиженный, робко принимался за свою порцію.

Съ дворовыми собаками Нигерь сошелся очень быстро и, какъ болѣе умный, взялъ надъ ними верхъ. Въ особенности слушалось его молодое подрастающее поколѣніе, съ которымъ Нигерь былъ въ большой дружбѣ. Онъ придумывалъ всевозможныя игры и вовлекалъ въ нихъ всѣхъ своихъ молодыхъ товарищей. Такъ, зимою, сидя у окна, или гуляя по двору, мнѣ часто приходилось быть свидѣтельницей слѣдующей сцены: разбудить себя Нигерь что-нибудь съѣдобное, кость или кусокъ хлѣба, дать ее понюхать одной изъ окружающихъ его

собакъ и затѣмъ съ неимовѣрной быстротой, забросивъ назадъ уши, помчится въ одинъ изъ концовъ двора, быстро разгребетъ снѣгъ лапами, тщательно запрячетъ туда хлѣбъ или кость, засыпетъ снѣгомъ яму и какъ ни въ чемъ не бывало возвратится къ играющей съ нимъ собакѣ, и ужъ послѣдняя должна найти спрятанное. Если это ей удавалось, — она въ награду лакомилась своей находкой.

II.

Нигерь сильно привязался къ нашей семьѣ. Когда послѣ какой-нибудь поѣздки мы возвращались домой, онъ приходилъ въ неописанный восторгъ, радостно лаялъ, метался, лизалъ намъ руки, а брату моему клалъ лапы на спину и такимъ образомъ шелъ за нимъ по всѣмъ комнатамъ.

Въ свою очередь и мы привязались къ Нигеру и полюбили его за его добрый нравъ, удивительную смышленность и за рѣдкое для собаки самолюбіе.

Однажды, какъ это часто случалось, забавляясь съ Нигеромъ, мы стали бросать ему разные предметы — перчатки, платокъ словомъ все, что попадалось подъ руку, и заставляли его приносить ихъ назадъ. Онъ живо и охотно исполнялъ наши требованія, хваталъ брошенное зубами и, граціозно перекачиваясь, съ торжествующимъ видомъ, возвращалъ кому слѣдовало брошенную вещь.

Въ комнатѣ, гдѣ это происходило, на этажеркѣ лежала розга, предназначавшаяся для кота. Братъ взялъ эту розгу и бросилъ ее, какъ и всѣ другія вещи. Но на этотъ разъ Нигерь не тронулся съ мѣста и не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія исполнить приказаніе; только, часто мигая, переводилъ взоры отъ брата къ розгѣ и обратно, издавая чуть слышный жалобный визгъ словно умоляя не заставлять его дѣлать того, что ему не нравится.

Упрямство Нигера вывело брата изъ терпѣнія и онъ строго

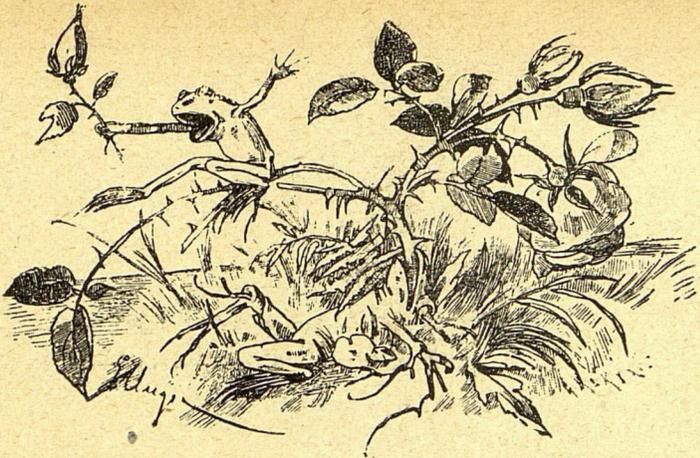
крикнулъ ему:— „Вонъ, Нигеръ!“ Слова эти произвели на Нигера сильное, неожиданное впечатлѣніе въ одинъ моментъ онъ вскочилъ съ мѣста, опустилъ хвостъ и голову и, съжившись, не оборачиваясь, выбѣжалъ изъ комнаты.

Два дня Нигеръ не показывался въ домѣ, не приходилъ ни къ завтраку, ни къ обѣду и даже не ночевалъ въ комнатахъ. Отсутствие его начинало тревожить насъ. Мы пробовали искать его въ саду, въ ближайшей рощѣ, — напрасно. Наконецъ, на третій день, во время нашего завтрака, Нигеръ вошелъ въ столовую. Онъ имѣлъ печальный, загнанный видъ и, вмѣсто того, чтобы подойти къ кому-либо изъ насъ, — крадучись, направился прямо къ этажеркѣ, взялъ съ нея розгу, и, жалобно визжа, положилъ ее брату на колѣни. Мы были тронуты и поспѣшили утѣшить и приласкать бѣдную собаку.

Елизавета Мулувъ.

(До слѣдующей книжки).

Потѣшныя странички.

НЕДОМОЛВКИ-ЗАГАДКИ.

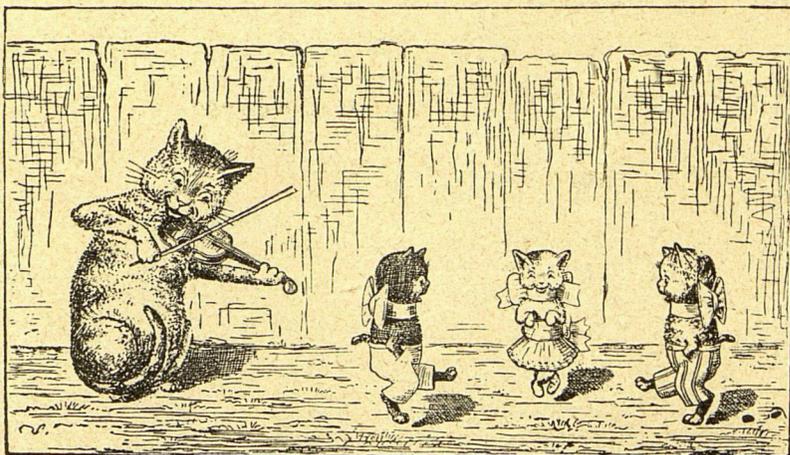
Я принесъ для васъ гостинець, —
Рыбокъ, птицъ, звѣрей лѣсныхъ
Цѣлый маленькій звѣринець,
Мы рассмотримъ вмѣстѣ ихъ,
Чуръ! теперь не развлекаться,
Чтобъ сто разъ не повторять;
Вамъ придется постараться
Недомолвки досказать.

I.

Крысъ, мышей мой видъ пугаетъ;
Я на видъ тиха, скромна,
Но, конечно, всякій знаетъ,
Что лукавства я полна.
Я люблю покушать сладко
И порою (что скрывать)
Я не прочь стащить украдкой,
Что забыли въ шкафъ убрать.
Любимъ мы, чтобъ насъ ласкали
Любимъ мы играть немножко,
Вы, конечно, угадали,
Что стоитъ предъ вами.

II.

Подлѣ берега въ прудѣ
 Въ тинѣ жить намъ такъ привольно;
 Очень весело въ водѣ,
 Паучковъ и мухъ довольно.
 На зарѣ, передъ дождемъ
 Мы кричимъ всегда охотно;
 По водѣ мы вечеромъ,
 Наслаждаясь беззаботно,
 Морду высуня, плывемъ.
 Вѣдь у насъ есть три врага
 Аистъ, цапля и утенокъ;
 Ударяется въ бѣга,
 Ихъ завидя.

Котъ присѣлъ съ своею скрипкой
 Сталъ играть да пѣсни пѣть.
 Три котенка пляшутъ шибко,
 Любо-дорого смотрѣть...
 И увидѣлъ ихъ мышенокъ,

И досадливо сказалъ;—
 „Какъ бы, право, я желалъ,
 „Чтобъ хотя одинъ котенокъ
 „Подъ мою игру сплясалъ!..“

В. Д.